

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Песър А. Петров. *Етнографски елементи на славяно-балто-германска общност*. София, 1966, 205 стр.

В книге П. А. Петрова собран и анализируется обширный этнографический материал, связанный с народным поверием «кукушка вещает смерть». Оказывается, что это зловещее поверье, проявляющееся в различных пережитках быта и в фольклоре, распространено лишь среди славян, балтов и германцев., т. е. у незначительной части индоевропейских народностей. У другой части индоевропейцев — романских, и иранских и индийских народов, греков, — с лесной кукушкой связаны поверия и обычаи радостного характера. У большинства индоевропейских народов эта птица является певцом весны, радости жизни и предвестником счастья.

В первой главе монографии автор исследует этнографические данные (XIX—XX вв.), связанные с лесной кукушкой, у различных славянских народностей. Зловещее поверье, связанное с этой птицей, бытовало у болгар, сербов, хорватов, словенцев, русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, кашубов и лужичан. Оно проявлялось в толковании снов, при оплакивании умерших, в свадебных обрядах. Эта птица считалась вестницей семейных несчастий, войн, грабежей. Кукование кукушки предвещает смерть и различные бедствия (болезнь, неурожай, голод, сиротство, вдовство, бедноту и т. п.). Обширный материал, систематизированный автором, свидетельствует о давнем происхождении этого зловещего поверия, подвергшегося у разных славянских народностей заметной исторической эволюции.

Во второй главе рецензируемого труда рассматривается отражение поверия «кукушка вещает смерть» в славянской этнографии, языковом материале, а также в фитонимии славян. Здесь исследуются некоторые обычаи и предания, прямо или косвенно обусловленные тем же поверием (например, обычай поминовения умерших у русских, известный под названием «крещение кукушки»). Автор останавливается на различных преданиях о птицах, распространенных у всех славянских народов. Среди этих преданий для изучаемой темы важно то, где говорится о происхождении кукушки от умершей женщины или девушки. Другими словами, сама кукушка в этих преданиях находится в прямой связи со смертью человека.

Автор собрал выражения, пословицы, а также некоторые отдельные слова славянских народов, имеющие непосредственное отношение к «роковому влиянию кукушки». Большой материал составляют народные названия растений, образованные с тем же апеллятивом, что и слово кукушка. Например, кукушкин лен, кукушечьи чирочки, кукушкины слезы, кукушкины сапожки, кукушник и другие в русском словарном фонде. kukulka, kukaweczka, kukawka, kukuczka, ziezulka и т. п. в польском языке. Изредка этот апеллятив используется славянами и для названий насекомых. П. А. Петров насчитывает свыше сотни народных названий растений и насекомых соответственно 91 и 13, образованных при помощи этого апеллятива. Интересно, что все это преимущественно орхидеи, хвощи и прочие растения, большая часть (87) которых ядовита, не может служить пищей и поэтому не играет какой-либо хозяйственной роли в жизни человека. Автор полагает, что кукушечьи названия в области флоры и фауны связаны с распространенным у славян поверием «кукушка вещает смерть».

Третья глава книги посвящена разбору исторических сведений о распространении этого поверия у славян в древности (XII—XVIII вв.). Оно отражено на страницах древнерусского памятника «Слово о полку Игореве» (XII в.), в старочешских письменных документах XIV—XVI вв., в польских материалах XV в., в украинских песнях середины XVIII в. и в других славянских памятниках народнопоэтического творчества.

В четвертой главе рассматриваются материалы о распространении того же поверия у всех балтских и германских народов. Автор убедительно доказывает, что у литовцев и латышей не только широко распространено поверие «кукушка вещает смерть», но и функционировали те же, что и у славянских народов, обычаи, связанные с этим поверием. Сходство изучаемого поверия у балтов и славян проявляется и в балтской фитонимии.

Поверие в связи со зловещим толкованием крика кукушки известно и у германских народов. Правда, это поверие у германцев в XIX — начале XX в. не проявлялось так широко, как у славян или летто-литовцев. П. А. Петров склонен объяснять это более ранним исчезновением у германцев древних поверий. Скорей всего это так. Но и те данные по поверию «кукушка вещает смерть», которые собрал автор для германских народов, все же многочисленны и дают основание полагать, что по своему происхождению это поверие у германцев общее с подобным поверием, зафиксированным среди славян и балтов. Аналогичность проявляется вплоть до «кукушкиной» фитонимии. П. А. Петров приводит из германской лексики 61 название растений и 8 фаунистических названий, производных от названия кукушки.

В пятой главе изучаются этнографические явления, связанные с кукушкой, у прочих индоевропейских народов. Как уже было отмечено, у всех индоевропейцев, кроме славян, балтов и германцев, распространено поверие о радостном значении кукушки. Согласно этому поверию, крик лесной кукушки (его часто называют «пением кукушки»)

предвещает благополучие, плодородие, любовь. В индийской поэзии кукование — символ очарования, любовных переживаний. Зарождение подобных поверий вполне понятно. Кукушка кукует в разгар весны, а это время года в жизни древнего человека было радостным.

Поверья, обусловленные радостным толкованием кукования, отмечает П. А. Петров, различными путями проникли и в мировоззрение славян, балтов и германцев. Однако у этих народов более древними и широко распространенными являются поверья, связанные с представлениями, что «кукушка вещает смерть».

Кроме славянских, балтских и германских народов поверие «кукушка вещает смерть» прослежено этнографами в Румынии. П. А. Петров, анализируя румынские этнографические материалы, справедливо показывает, что распространение этого поверья в Румынии — следствие участия славянского компонента в этногенезе румынского народа.

В заключительной главе монографии П. А. Петров исследует вопросы о происхождении, времени и условиях зарождения зловещего поверья, связанного с кукованием кукушки, и пытается решить проблему славяно-балто-германской этнографической и этноязыковой общности и локализации балто-славян и прагерманцев.

Представляется, что вопрос о происхождении поверья «кукушка вещает смерть» решен автором остроумно и правильно. Исследователь обращает внимание на тот факт, что у славянских, германских и балтских народов кукушка имеет два различных названия с разными апеллятивами. Первое основано на звукоподражании крику кукушки (от корня *кук-), второе (праславянское *gegъz-, *zegъz-, прагерманское *gauka-, немецкое «Gauch», литовское «gegute», украинское «зозуля», болгарское «зезула») является более древним и не связано со звуками, издаваемыми обыкновенной лесной кукушкой (*Cuculus canopus canopus* L.).

На основании этих данных П. А. Петров высказывает предположение, что второе название связано с другой птицей — глухой кукушкой (*Cuculus saturatus horsfieldi* Mooge), описанной орнитологами лишь сравнительно недавно. Звуки, издаваемые последней, фонетически могут быть переданы как «ду-ду», «ту-ту», «ху-ху». Отсюда, полагает исследователь, и происходит второе название кукушки (реконструируемое балто-славянское «ge-gug», древнепрусское «geguse» литовское «geguže», древнерусское «зозгизца» и т. п.).

Этнографические и языковые явления у славянских, балтских и германских народов, обусловленные поверьем «кукушка вещает смерть», по происхождению и связаны с глухой кукушкой. Эта птица обитала в дремучих, чрезвычайно влажных и болотистых лесах, подвергавшихся паводковым затоплениям каждую весну (с марта по конец мая). Древний человек, живший в этих лесах, питался главным образом крупной дичью. В период весенних паводков дичь уходила на более сухие места, и каждую весну человек терпел периодические голодовки, приводившие его иногда к голодной смерти. В это время года и начинает кричать глухая кукушка. Так зародилось поверье, что кукушка накликает голод и голодную смерть. П. А. Петров высказывает предположение, что такие условия в жизни человека, а следовательно и зарождение поверья «кукушка вещает смерть», относятся к эпохе мезолита.

Аргументация П. А. Петрова усиливается тем обстоятельством, что славянские, балтские и германские названия растений, связанные с кукушкой, образуют один растительный комплекс с хвойными и смешанными лесами описанного выше ареала гнездования глухой кукушки. Исследователь полагает, что в голодные «кукушечьи» периоды древний человек вынужден был использовать эти растения в пищу, что иногда имело печальные последствия. Отсюда этим растениям и были даны кукушечьи названия.

Основываясь на изложенных положениях, П. А. Петров делает несколько этноисторических выводов.

1. Общность поверья «кукушка вещает смерть», у славянских, балтских и германских народов, а также единое название глухой кукушки от апеллятива *gu-свидетельствует об этнической близости или общности этих индоевропейцев в древности.

2. Глухая кукушка в Европе занимает строго определенный ареал. При этом она не обитает совместно с обыкновенной лесной ввиду различия биотопов этих птиц. Область гнездования глухой кукушки в Европе, по данным советских орнитологов, очерчивается следующими точками: Мурманск, Псков, Могилев, Москва, Саратов, Стерлитамак. Эта область гнездования глухой кукушки и была, по мнению П. А. Петрова, местом зарождения зловещего поверья.

3. Место зарождения поверья «кукушка вещает смерть» является территорией расселения славяно-балто-германской этнографической и этноязыковой общности. Последняя, по мнению исследователя, обособилась от остальных индоевропейцев, на пространстве Северо-Восточной Европы, ограниченной ныне городами Могилев, Кострома, Казань, Саратов, Могилев (рис. 26). Западные районы этого ареала занимали предки германцев, которые довольно рано покинули эти земли, переселившись в срединную Европу. Освободившиеся после переселения предков германцев земли были заняты балто-славянами. Таким образом, область Северо-Восточной Европы, очерчиваемая современными городами Могилев — Кострома — Казань — Саратов — Могилев, одновременно является ареалом балто-славянской этнолингвистической общности. Юго-западные районы этой территории, по мнению П. А. Петрова, можно считать славянской праро-

диной. Последняя ограничивалась областью, расположенной между бассейном р. Припяти, Верхним Поволжьем и Курском.

4. Время зарождения поверья «кукушка вешает смерть» в среде славяно-балто-германской общности определяется автором XVIII—V тысячелетиями до н. э. При определении конечной даты этого периода П. А. Петров руководствуется положением болгарского лингвиста В. Георгиева, согласно которому в IV—III тысячелетиях до н. э. германцы и балто-славяне были уже дифференцированы в этнолингвистическом отношении. Начальная дата определена исходя из того обстоятельства, что до XVIII тысячелетия до н. э. значительная часть территории гнездования глухой кукушки в Северо-Восточной Европе была занята ледником.

Эти этноисторические положения П. А. Петрова вызывают ряд возражений. И прежде всего, спорен ареал зарождения поверья «кукушка вешает смерть». Автор определяет его исключительно в связи с современной территорией гнездования глухой кукушки. Между тем хорошо известно, что зоологические, как и ботанические, зоны постоянно меняются, иногда сравнительно быстро. Поэтому ошибочно полагать, что в эпоху мезолита ареал гнездования глухой кукушки в Европе был таким же, как в наши дни. За время, отделяющее нас от эпохи мезолита, в Северо-Восточной Европе сменилось несколько климатических периодов, а поэтому неоднократно менялись и флора и фауна. Можно полагать, что в отдаленной древности ареал гнездования глухой кукушки в Европе был более обширным, чем сейчас. Этому способствовало тогда обилие дремучих и непроходимых лесов. Наоборот, обыкновенная лесная кукушка обитает в местностях со сравнительно редкой лесной растительностью. По мере вырубки лесов, поредения плотных лесных массивов в результате антропогенной деятельности человека ареал лесной кукушки в последнее тысячелетие мог значительно расшириться.

Учитывая сказанное, едва ли можно согласиться с положением П. А. Петрова о возникновении поверья «кукушка вешает смерть» в ограниченной зоне Северо-Восточной Европы и в столь раннее время. Представляется, что это поверье, распространенное у славянских, балтских и германских народностей, не является аргументом в пользу существования балто-славяно-германской языковой общности в древности. Подобно тому, как оптимистическое поверье в связи с криком кукушки, бытующее среди прочих индоевропейских народов, не может быть основанием для реконструкции древней этнолингвистической общности предков греков, италиков, индоарийских и иранских народов, поверье «кукушка вешает смерть» не служит, на наш взгляд, свидетельством вхождения предков славян, балтов и германцев в единый этнос. Поверье «кукушка вешает смерть» могло возникнуть или распространиться среди группы индоевропейцев, из которой позднее выделились славяне, балты и германцы, и в том случае, если эта группа племен никогда не была единой в этноязыковом отношении. Допустимо также предположение о субстратном происхождении этого поверья у индоевропейцев. Не исключено, что поверье «кукушка вешает смерть» было заимствовано группой индоевропейцев у ассимилированного доиндоевропейского населения Северо-Восточной Европы. В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что аналогичное поверье о кукушке известно и среди части финно-угорского населения Евразии.

Археологические материалы Восточной Европы не только не подтверждают ту картину этногенеза балтов, славян и германцев, которую нарисовал П. А. Петров, но и во многом противоречат ей. Работами Х. А. Моора, М. Гимбутас и других исследователей установлено, что в формировании древних балтов первостепенная роль принадлежит северо-восточной части культуры боевых топоров¹. А эта культура является пришедшей и в юго-восточной Прибалтике, и в днепровско-неманской области и, бесспорно, генетически не связана с местными мезолитическими и неолитическими культурами Северо-Восточной Европы². Северо-Восточная Европа не могла быть прародиной германцев, ибо ни в эпоху мезолита, ни позднее археологи не наблюдают движения населения из области современного гнездования глухой кукушки в центральноевропейские районы. Между речью нижнего Рейна и Эльбы и южная Скандинавия, где, судя по всем данным, сформировались германцы, характеризуются совсем иными культурами, не имеющими ничего общего с мезолитом и неолитом Северо-Восточной Европы. Отсюда может быть сделан только один вывод, что люди периода мезолита и неолита Северо-Восточной Европы не могли быть предками германцев, славян и балтов.

Заключению П. А. Петрова о локализации балто-славяно-германской этнической общности, а позднее балто-славянского этноса в Северо-Восточной Европе мешают и данные гидронимии. Среди водных названий ареала, который исследователь относит северным индоевропейцам (т. е. предкам балтов, славян и германцев), не обнаруживается каких-либо древних индоевропейских элементов. Древняя гидронимия здесь принадлежит к финно-угорской. Если вопрос о наличии дофинно-угорской субстратной гидронимии Волго-Окского междуречья и смежных с ним территорий и дискутируется

¹ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 9—33; М. Гимбутас, The Balts, London, 1963.

² П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 14—112.

в научной литературе³, то при всех обстоятельствах этот гидронимический слой не является балто-славяно-германским.

В последнее время почти все лингвисты согласны с тем, что распад индоевропейского единства был не одноактным процессом, а прошел через ряд этапов и длился тысячелетия. Первые этапы распада индоевропейского единства связаны с отделением анатолийских, армянских, индоиранских и греческих языков. В то время как последние уже развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, латинский, кельтский, германский, балтский, славянский и иллирийский языки еще не существовали как таковые. На основе материалов лингвистики и в особенности гидронимии Х. Краэ пришел к заключению, что «... западноевропейские языки Северной и Средней Европы во II тысячелетии до н. э. в своем развитии были достаточно близки друг другу, составляя хотя и слабо связанную, но еще единообразную и находящуюся в постоянных взаимных контактах группу, которую можно назвать «древнеевропейской». Из нее со временем вышли и развились отдельные языки: германский и кельтский, «италийский» и венетский, иллирийский, балтийский и, на окраине, славянский языки»⁴. Ареал древнеевропейской языковой общности, как свидетельствуют гидронимические материалы, охватывал значительные части Западной Европы (северной и средней) и отчасти заходил в Восточную Европу (до Смоленска — Могилева — Курска)⁵. Таким образом, древнеевропейская языковая общность (в том числе предки германцев, славян и балтов) не достигала той территории Северо-Восточной Европы, которую отводит П. А. Петров балто-славяно-германской общности.

Непремлемой представляется и предлагаемая П. А. Петровым хронология балто-славяно-германской языковой общности. Опираясь на тезис В. Георгиева о дифференцированном существовании балто-славян и германцев в IV — III тысячелетиях до н. э., автор считает верхней датой этой общности V тысячелетие до н. э. Но В. Георгиев исходит из положений об единовременном распаде индоевропейской общности, что не может быть принято безоговорочно. В. Георгиев отмечает, что древнейшие письменные памятники III и II тысячелетий до н. э. уже свидетельствуют о выделении из индоевропейского языка хеттского, индоиранского и некоторых других языков⁶. Однако это обстоятельство совсем не является поводом для датировки этим же временем отделения и самостоятельного развития германского, балтского (или балто-славянского), кельтского, италийского и других индоевропейских языков. Согласно хронологической схеме Г. Трегера и Х. Смита, анатолийские языки отделились от индоевропейского около 2500 г. до н. э., армянский — около 2300 г. до н. э., индоиранский начал самостоятельное развитие около 2200 г. до н. э., греческий — 2000 г. до н. э. Во II тысячелетии до н. э. существовала древнеевропейская языковая общность, из которой сначала выделились кельтский, праиталийский и иллирийский языки, а около 800—500 гг. до н. э. образовались языки германцев и балто-славян⁷. Такая дифференциация обнаруживает больше подтверждений в данных лингвистики, гидронимии и археологии⁸.

Большой материал собранный и тщательно систематизированный автором книги, представляет несомненный интерес для этнографов и историков древних племен и современных народов, принадлежащих к славянской, германской и балтской языковым группам. Математические средства, применяемые П. А. Петровым для разработки массового этнографического материала, эффективно подкрепляют отдельные положения и выводы книги. Автор успешно анализирует и языковые данные, связанные с рассматриваемым поверьем. Все это делает рецензируемую книгу весьма авторитетной в научном отношении.

Отмеченные дискуссионные положения не умаляют большого научного значения труда П. А. Петрова. Автор впервые попытался привлечь к исследованию проблемы славянского этногенеза чисто этнографический материал и показал его огромные возможности, что, бесспорно, является важной положительной стороной книги. Этнографический и языковой материал, скрупулезно собранный П. А. Петровым, послужит основой для ряда будущих этногенетических изысканий.

В. В. Седов

³ Б. А. Серебрянников, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР, «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

⁴ H. Krahe, Germanische Sprachwissenschaft, I. Einleitung und Lautlehre, Berlin, 1960, S. 13. См. также: H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954; его же, Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie, «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», 1962, № 5, Wiesbaden, S. 287—341.

⁵ W. P. Schmid, Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte, «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», Sonderheft 22, Innsbruck, 1966.

⁶ В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958.

⁷ G. L. Trager and H. Z. Smith, A chronology of Indo-Hittite, «Studies in Linguistics», vol. 8, № 3, 1950.

⁸ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965; M. Gimbutas, On the origin of North Indo-Europeans, «American Anthropologist», vol. 54, № 4, 1952, pp. 602—611.